

18+

Сергей Ростовцев

К Огонькам Созвездий

Сергей Ростовцев

К огонькам созвездий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51557454

ISBN 9785005062703

Аннотация

А вы помните ещё, как тает снег? День за днём сугробы подтекают, Заструившись в направленья рек. И тропинка мокрая такая. С ветки вдруг слетят за воротник Птицей потревоженные комья. Помните, как все вокруг звенит? А вот я, мне кажется, не помню. Для мальчишек это не сезон, Сушат дома мокрые ботинки. Только грустно смотрят из окон, Как с сосулк капаят слезинки. Вдруг найдут, Где только стоял снег, Что-нибудь, что осенью носили. И находке радуются все. Помните, как тает снег... в России?

Содержание

К огонькам созвездий	8
«Берег и море осколки бутылочные...»	10
«С тех пор, когда топили углём...»	11
«Миллиардом зеркальных осколков...»	14
«В открытые двери парадного...»	16
«А мне, в мои пятнадцать лет...»	17
«Лань из черной проволоки...»	18
«Рассвет уносит темноту...»	19
«На зелёный откос...»	20
«Я ухожу, а ты всё спишь...»	22
«Нас обоих бросало в жар...»	23
Пресной, нет!	24
«Измятый, блеклый лист...»	26
«На широких заплёванных улицах...»	28
«А желание жить...»	30
«Совсем слегка схвачены шелка...»	31
«По шоссе бетонным плитам...»	33
«Косые линии пунктиром...»	34
«Над дорогой бетонной плывут фонари...»	35
«Когда опускается темнота...»	37
«Я кентавр...»	38
«Над морем бело-голубым...»	41
«Осень глючит...»	42

«А вы помните ещё, как тает снег?..»

43

Конец ознакомительного фрагмента.

44

К огонькам созвездий

Сергей Ростовцев

Иллюстратор Юлия Сергеевна Ростовцева

© Сергей Ростовцев, 2019

© Юлия Сергеевна Ростовцева, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-6270-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Ростовцев

К огонькам созвездий.

Стихи, песни, пародии и разговоры.

К огонькам созвездий

Когда земная тень, обычною порой
Укроет огоньки селений и созвездий
Автобус, словно сорванный паром,
Асфальтовой рекой смывает в бездну.

Вдали сольются в массу огоньков
Жилища фонари и жар костров военных,
И звездный жар потерянных веков
Холодного безвременья Вселенной.

Я потеряюсь если к ним пойду
Сойдя на остановке незнакомой.
И замер я, чтоб не попасть в беду
Таинственным движением влекомый.

Движеньем галактических систем,
Вращением пространств,
Времен
И судеб.
Все мимо
Мимо
Мимо, лишь за тем,
Чтобы не быть.
И никогда не будет.

Попутчики отправятся в беду.
И может только я желаю чуда,
Что вдруг мне повезет,
И я сойду,
Где был вчера,
Но где уже не буду.

Уйдет земная тень,
И миражем,
Слепящим взгляд на мимолетность истин,
Мир будет брошен солнцу нагишом
Плодить богов, селения и листья.

Но вот автобус уплывает в ночь
Асфальтовой рекой
вплывая в бездну.
И я плыву, и уплываю прочь
От звезд селений
К огонькам созвездий.

«Берег и море осколки бутылочные...»

Берег и море осколки бутылочные,
Терли камешками в пенных ладонях.
И было светло, и лениво было
Даже валяться на этом раздолье.

Тогда я взглядом, по пенным гребням
Качаясь, допрыгал до горизонта,
И соскользнул в голубое небо,
Иглою войдя в черноту над озоном.

И спикировал между галактиками
Пролетая вселенных тысячи...

А она мне сказала:
– Валяться хватит.
Пошли ракушки, какие-нибудь поищем.

«С тех пор, когда топили углём...»

С тех пор, когда топили углём,
А растапливали газетами и дровами,
В конце двора,
Набитые разным хлабьём,
Стояли покосившиеся сараи.

И дома были тоже не ах.
Подвалы да крыши, капающие как небо.
Но место ценилось в этих домах,
И лишних вещей в них не было.

И раз дома теперь топят газом,
Сараи заполнялись вещами:
Примус, картина с коровами, тазик...
И полка, с консервированными овощами.

В моем, был старый кухонный стол,
И старая, чёрная, настольная лампа.
И с кончиной деда, потерявшая толк
Чугунная сапожная лапа.

В столе хранил я свои секреты.
В доме негде, там места нет.
А здесь, ну буржуйский почти кабинет.

Вот только жалко, что не было света.

Да и зачем он, в тот самый час,
Когда звездное небо ночью.
А приспичит, так есть свеча.
Разве, дорого это очень?

А когда свеча догорит,
Жжёшь фитиль, что из банки с маслом.
И рифмуй себе до зари,
Хоть не ярк огонь, не гаснет.

Возмужал я, завёл жену,
Обзавелся и новой квартирой.
И сменил я ее, не одну
И жену я сменил, и страну,
Путешествуя жизнью по миру.

Вот еще одно в жизни жильё.
Замечательный съём, по случаю.
Хоть чужое, а не своё,
С каждым разом, все лучше и лучше.

Но когда я последней жене,
Говорил, что уж тут нам, рай.
То она отвечала мне.
– И в дворце ты устроишь сарай.

Это правда. Но что из того,

Что здесь, уж точно, с крыши не капает?

Я жалею о многом, но больше всего,

О сапожной дедовской лапе.

«Миллиардом зеркальных осколков...»

Миллиардом зеркальных осколков
Океан безразлично жесток
Но оскалились линией тонкой
Острова во всеильный поток

Океан их ломает и точит
Беспощаден ракушечий зуд
И возможно закончится к ночи
Их оскал,
Но вулканы внизу.

Города. Сквозь века и пространства
На тропинках извилистых рек
Пред стихией, орудьем упрямота
Их оскалил вовне человек

Только вонь,
Только боль,
Как расплата
Из-под мусорных баков и тел.
Страх в лесу от зверей...
Здесь солдаты,
И решетки в стальной наготе.

Миллиардом безумных осколков
Это город горит и болит.
Но плевать на решетки,
Поскольку
Мы оскалим себя
Изнутри.

«В открытые двери парадного...»

В открытые двери парадного
Влетали снежинки и тишина.
Я тебя целовал и радовался,
И не верил, что мне ты дана.

Но смахнув поцелуев безумие,
Ты к двери подошла, и её,
Словно клироса створки ажурные,
Затворила,
чтоб слышать
лишь безумье моё.

А потом я ушел, но когда оглянусь
Вижу желтую лампочку в жестяном колпаке,
Стучащем по водосточной трубе.
Лишь одну.... Лишь одну.
Вдалеке. Вдалеке. Вдалеке.

«А мне, в мои пятнадцать лет...»

А мне, в мои пятнадцать лет,
Была награда —
Прозрачная, как лед на свет
Гроздь винограда.

И я унес через забор
Чужого сада,
Пусть небольшую, но зато
Гроздь винограда.

А после, схоронясь в траве,
Ел воровато,
Прозрачную, как лед на свет
Гроздь винограда.

1974 год

«Лань из черной проволоки...»

Лань из черной проволоки
По белой стенке скачет.
Девочка в розовой кофточке
Смотрит на лань и плачет.

Я не знаю, что она чувствует.
Может ей убежать хочется...
Но не пускают на улицу
Одну ее, полуночицу.

«Рассвет уносит темноту...»

Рассвет уносит темноту
И листья в парке порыжели
И замирают на лету
С облезшей краскою качели.

И замирает тихий звук
Шуршанья листьев о подошвы.
И замер на листе паук,
Согнувшись, под этой ношей.

И замирает стук волны
В корму в песке уснувшей лодки
Но вот уж волны вновь слышны
Своею музыкой холодной.

А к лодке подошел рыбак
А я остановил качели.
Не надоело мне,
А так,
Чтоб не скрипели.

«На зелёный откос...»

На зелёный откос,
Средь дубов вековых
Я взбегал в ожиданье волшебных чудес.
И шуршаньем стрекоз,
И ворчаньем листвы,
И прохладой, и тайной,
Манил меня лес.

А потом строил плот на зелёной реке.
Отпустил. И как плыть
Я ему рассказал.
В долгий путь меж болот.
Но зато налегке.
Камышовая нить,
Старый пень и лоза.

Попрощался я с ним
Под лягушечий хор.
Как прекрасно вязать
Камышовую нить.
Но предстанет иным
Беспощадный простор,
Неподвластный глазам,
А в него уходить.

А в волшебном лесу
На зелёной реке
Колдовская вода
Старый пень и лоза,
Увозя стрекозу
Не увязнут в песке,
И уже никогда
не вернуться назад.

«Я ухожу, а ты всё спишь...»

Я ухожу, а ты всё спишь.
А дождь, дробясь, стучит о стекла.
Горит камин, и плащ мой мокрый.
Я ухожу, а ты всё спишь.

Тогда к тебе я подхожу
И опустившись на колени,
Целую грудь своей Елене,
И молча в двери выхожу.

Но жарче, чем рассветный дождь
И легче, чем листа паденье
Твое ко мне прикосновенье.
Но дверь уже открыта в ночь.

«Нас обоих бросало в жар...»

Нас обоих бросало в жар
Среди холода и мороза.
Тело к телу.
Закрыты глаза.
В них от счастья и холода слезы.

Вдруг нам стало совсем тепло,
Только двое нас в целом мире.
Мы вспотели морозу назло,
В сквозняках не согретой квартиры.

Пресной, нет!

– Капитан! Зачем опять Вы против?
Не до шуток.
Бросьте арбалет!
В вашей крови, как и в нашем поте
Пресной нет!

– Капитан, зачем корабль будет
Без команды.
Слушайте совет —
Все мы люди...
Мы пока, что люди
Пресной...
Нет!

– Капитан, скажите, неужели
Вам так тяжело ответить: «Да»?
И вперед меж рифов, прямо к цели,
Там за ними, капитан... ..!

– Капитан мы в шторме...
– Вот он остров...
– Двадцать дней...
– И вот реки просвет...

Он стоял один среди матросов.

Пересохло в горле.
Пресной нет!!!

«Измятый, блеклый лист...»

Измятый, блеклый лист
В осиротелой луже.
Над темной синевой
Коричневой воды.
Шаги отозвались,
И тротуар стал уже,
В расстёгнутом пальто
Идёшь на встречу ты.

Я знал. Я ждал.
Боялся, что не встречу.
Ты улыбнулась
Улыбнулся я.
Ты, что-то скажешь мне,
А я тебе отвечу.
Кружится лист между ветвей руля.

Кружись, витай,
Куда тебя закружит?
Судьба твоя и лужа, и трава.
Услышал я
– Привет! Прости Серёжа,
Сейчас спешу я. Нужно на трамвай.

1970 zod.

«На широких заплёванных улицах...»

На широких заплёванных улицах
Отражением в стеклах витрин
Чтоб от ветра и солнца не жмурится
Я судьбу, не спеша, смастерил.

До зеркального блеска ботиночки,
И рубашка, как утренний снег.
Непонятный язык на пластиночке,
На одной для меня и для всех.

И спешу я куда-то наверное.
И боюсь опоздать в никуда.
И погода, какая-то скверная.
И чернила, совсем как вода.

Но зато на заплёванных улицах
Экий фронт из шикарных витрин.
Он от солнца и ветра не жмурится.
Он судьбу себе сам смастерил.

Стих выше, это 1976 г. Невский пр.

Не знаю как насчет качества стиха, но именно за этот

стих, за его прочтение на слёте творческой молодёжи Украины, в 1977 году на меня было заведено дело в Днепропетровском КГБ, как на поэта.

Сейчас это кажется смешным и этим даже можно гордиться. Тогда так не казалось.

«А желание жить...»

А желание жить,
Недостаточный повод для жизни
Что б мы знали об этом,
Он в поясе страшном пришел
Он то место, где много народа отыщет
И что толку в их вере
Что жить на земле хорошо.

Незнакомый знакомец.
Посланник соседней мечети.
И ее не разрушить, ни сжечь..., и закрыть недано.
И мула перед правым судом, ни за что не ответит.
А желание жить...?
Это просто наверно смешно.

«Совсем слегка схвачены шелка...»

Совсем слегка схвачены шелка.
Дорожка тени уводит в рай...
На шелк легла лёгкая рука.
– Заказывай и желай...

Бьются стёкла мартовским снегом,
И нависают на них этажи.
По батареям струится негой
Ржавая жизнь.
Пили. Сегодня шелка скомканы.
Уходим в грязь.
С серой, латанной, с чужой котомкой
Уже смирясь.

Холода больше не будет
Знайте!
На год! На час!
– Шлюха!
Нагнись и подними свое платье,
Не пряча глаз.

Передо мною стоит нагая,
Шелка у ног.
Передо мною, весь мир прощая,

Не ангел...

БОГ!

«По шоссе бетонным плитам...»

По шоссе бетонным плитам
По земле дождями скрытой
Атакуем.
Быть убитым
Это значит – Быть как все.

Огнемёты бьют по роте.
Мы к земле прижаты?
Врете!
Мы в атаке. Мы, как все.

Мы к земле прижаты?
Мины
Пусть нам выроют могилы.
Мы в атаке. Мы, как все.

Сквозь густой, горячий воздух
Мы прорвёмся. Нам не поздно
Умереть еще, как всем.

«Косые линии пунктиром...»

Косые линии пунктиром.
Зелёный, не окрепший фон.
Передний план – окно квартиры,
И люстры треснувший плафон.

Косые линии пунктиром...
А за окном, как... год назад,
Над просыпающимся миром
Играет первая гроза.

И лишь её оставить можно.
Но дождь и листья – это фон.
Ведь я пишу, ужасно сложный,
Под кистью треснувший плафон.

«Над дорогой бетонной плывут фонари...»

Над дорогой бетонной плывут фонари.
Над дорогой бетонной не святятся звезды.
Ты дорога забвение мне подари.
Я надеюсь не поздно. Надеюсь не поздно?

А когда-то просил я совсем о другом.
Чтобы было, что вспомнить
Когда-нибудь, после.
Фонари мне качали своей головой.
– Все успеет случиться,
Не поздно, не поздно.

Торопилась дорога, случались и мне
В отраженье оконном улыбки и слёзы.
На сидении мягком удобно вполне
Торопиться куда-то...
Куда-то не поздно...

Над шуршанием бетона
Плывут фонари
И баюкает память автобус роскошный.
И шуршанием шёпота мне говорит:
– Доживи до зари,

До забвенья не поздно.

До забвенья не поздно.

«Когда опускается темнота...»

Когда опускается темнота
Еще секунда – еще темнее
Еще секунда – и слепота
Для зрячих глаз моих зачернеет.

И я оказываюсь так мал,
Хотя огромны и нос, и пальцы.
Огромны руки, но я устал
Быть обреченным на тьму страдальцем.

Когда бы знать, что любая ночь.
Закончится, именно мне, рассветом
Но если в заправду, не сможет помочь
Никто, никому в безобразии этом.

И только в комнате, где мой сын
Раскрывшись посапывает в подушку,
Расцветенные воображением сны,
Как маленькие светящиеся игрушки.

«Я кентавр...»

Я кентавр.

Нас осталось так не много.

Не увидишь ни в степи и не в пустыне.

Мы когда-то прогневили сильно Бога

Не дождаться нам, что гнев его остынет.

Когда-то были милы для него

Никто не видел скакуна в узде

Осмеивали корысть врагов

Имея бескорыстных друзей

Это время бескорыстности на смену

Научило, что стрела перед полётом.

Небольшую, но свою имеет цену

Кто же будет бескорыстным идиотом.

Как будто бы и так ни чего

Мы расценили все и везде

И нестрашна нам злоба врагов

Ведь есть у нас полезность друзей

Бог за это разделил нам плоть душу.

Душу сами заарканим и седлаем.

Убиваем, превращая душу в тушу,

Что в ней проку, ведь она совсем не злая.

И не спасал никто никого.
Стрела нас находила везде
И сотни бескорыстных врагов
На каждого из наших друзей.

Это было нам изгнанием из рая.
И зачем нам был запретный плод расчёта?
Как сказал один кентавр, умирая:
– Это дьявола мы встретили с почётом.

Но помощи не жди от него
И появились те, кто в узде,
И только беспощадность врагов
Помножена на корысть друзей.

Я кентавр. Нас осталось так не много.
Это страшно пережить свое же время.
Но не корысть выбирает мне дорогу,
Мною движет страх в узду попасть, под стремя

У бога не прошу ничего
Ни золота, ни сочных гроздей,
Ни прочного щита от врагов —
Вот разве бескорыстных друзей.

Но кроме лошадей никого.
Они ведь наши души – в узде.

Я не боюсь жестоких врагов.
Боюсь своих корыстных друзей.

«Над морем бело-голубым...»

Над морем бело-голубым,
Над садом апельсиновым,
Летят скворцы путём своим
Домой, на Украину.

Не опускаю головы,
Слезу таю от сына,
Над морем грозно-штормовым,
Над берегом пустынным.

Сейчас я сыну расскажу
О компасе незримом,
Скворцам рукою помашу,
И рассказать их попрошу
О нас.... В краю родимом.

«Осень глючит...»

Осень глючит
Мылом лучше, ты поговори со мной.
В ICQ ответ получишь.
Модератор форум учит,
Желтый лист на мостовой.

Смайлик в спиче философском
Вам направил адресат
А в окне не микрософтском
Долгие дожди стучат.

Постучат по «клаве» вряд ли
Заблудившиеся капли
С ними мы разлучены
Я обжился в виртуале
А они стучат реально
В листопад другой страны.

«А вы помните ещё, как тает снег?..»

А вы помните ещё, как тает снег?
День за днём сугробы подтекают
Заструившись в направленья рек.
И тропинка мокрая такая.

С ветки вдруг слетят за воротник
Птицей потревоженные комья.
Помните, как все вокруг звенит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.